

Секретное оружие...

которое враг не принял в расчет

Читая книжки о Великой Отечественной, не раз натыкался на фразу: «Ключом к Победе стало...» Далее следовал какой-либо тезис. Говоря в целом, таких ключей было много. Целая связка. Ведь война – не только стрельба и окопы. Еще это столкновение экономик, борьба за ресурсы. Захватывая восточную территорию СССР, Гитлер планировал одним молниеносным броском прибрать к рукам всю нашу нефть, уголь, заводы. Полностью лишить нас тяжелой промышленности. Чем тогда воевать? То, что произошло потом, понятно из документов.

Промышленная перезагрузка

Перенести с места на место дом – уже проблема, хоть и решаемая. А если – завод, да не один? Десятки, сотни – и за тысячи километров? Вдумайтесь – сегодня доставка турбин из Питера на сибирскую ГЭС – событие едва ли не эпохальное. В 1941-м за Урал перебросили целые промышленные отрасли и ТУТ ЖЕ заставили их работать. История не знает подобных примеров. Такого не было ни до, ни после.

Историки спорят: был ли у СССР четкий план переброски промышленности на восток в случае войны? Большинство склоняется к тому, что не было. Катастрофа 1941 года не просчитывалась даже в самых пессимистичных умах. Тем невероятнее подвиг тех, кто успешно начал и завершил все необходимые эвакуационные мероприятия – вывозя станки, людей, оборудование под ударами с земли и воздуха.

В один только Красноярск в 1941 году было переведено 22 промышленных предприятия, в том числе восемь оборонных (в 1942-м – еще 18). Город принял в общей сложности 620 эшелонов с эвакуированными грузами – более 31 тысячи вагонов. В течение нескольких месяцев индустриальный облик Красноярска развернулся на 180 градусов – теперь в нем резко преобладали тяжелые отрасли оборонной промышленности. В крае до войны вообще не было предприятий, занимающихся выпуском военно-оборонной продукции. Произошла «перезагрузка».

Мела пурга, руки прилипали к металлу, тем не менее работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Приходилось возле составов раскладывать костры для обогрева и освещения

Из стенограммы Красноярского краевого и городского актива от 24.11.1941 г.: «Промышленность края в целом перевыполнила план третьего квартала по сравнению со вторым кварталом. Выпуск валовой продукции увеличился на 17,6 %. Особенно увеличили производительность оборонные предприятия. Если взять за 100 % выпуск продукции вооружения и боеприпасов до войны, то выпуск этой продукции сейчас в несколько десятков раз больше, чем в довоенное время. Положительный опыт борьбы

бы за новую технику для фронта позволил производству нашего края освоить семь наименований новой оборонной продукции, и в стадии освоения находится еще восемь видов вооружения».

Уже в 41-м заводы и предприятия региона начали выпускать зенитки, минометы, пистолеты-пулеметы, мины, авиабомбы всех калибров, гранаты, различные детали и узлы для пикирующего бомбардировщика. В 42-м приступили к выпуску взрывчатых веществ.

Станки на снегу

Просто посчитайте: война началась 22 июня 1941 года. А в октябре-ноябре эвакуированные в Сибирь заводы уже начали давать первую продукцию. В эти четыре-пять месяцев уместились демонтаж и погрузка всего необходимого в эшелоны, долгий путь в тысячи километров до места назначения, разгрузка вручную в пустом поле оборудования и материалов, монтаж, обучение рабочих, которых «кот наплакал»: мужики ушли на фронт... Как такое вообще можно было сделать?

Из воспоминаний матери писательницы Дины Рубиной:

– Меня увидел замначальника 2-го цеха, подозвал, разговорился со мной... Ну и поставил меня на станок... Там многие работали, второй цех был большой. Дети несовершеннолетние тоже... Некоторым приставляли ящики, чтобы до станка доставали... У меня былиочные смены.

Это происходило в Ташкенте. И то же самое – в Омске, Челябинске, Красноярске, десятках других городов...

Выпущенные сверх плана авиационные бомбы в цехе красноярского завода

У детей тоже был свой фронт – трудовой

Эшелоны идут на восток

строительство цехов, монтаж оборудования, выпуск готовой продукции.

А эшелоны все прибывали. Только при эвакуации завода «Красный профинтерн» из Брянской области в августе 1941 года в Красноярск пришли почти шесть тысяч вагонов с оборудованием. Вручную, работая без выходных дней, рабочие, специалисты, красноармейцы, население города в течение двух месяцев разгрузили их. Положение осложнялось рано наступившими морозами: декабрь 1941 года оказался лютым, к морозам присоединился сибирский хиус. Мела пурга, руки прилипали к металлу, и тем не менее работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Приходилось возле составов раскладывать костры для обогрева и освещения. За сутки разгружали не менее 40 вагонов и платформ.

Так продолжалось до середины 1942 года, когда все эваку-

ированные предприятия стали систематически выполнять задания по производству вооружения и боеприпасов. Красноярский край в первые военные годы превратился в огромную строительную площадку. Приняв на своей территории десятки передовых советских предприятий, он переживал настоящий индустриальный бум. Несмотря на гигантские сложности, регион уже на второй год войны превратился в один из главных военно-производственных арсеналов СССР.

...Так что это был за секрет, так и не понятый, не открытий фашистами? Он – везде и повсюду. Между строк воспоминаний тружеников тыла. В усталой, тяжелой походке фронтовиков на параде Победы. В всполохах Вечного огня бесчисленных российских мемориалов...

Андрей КУРОЧКИН

КАК ЭТО БЫЛО

Д. Р. Сериков, в годы войны работник «Красного профинтерна»:

– В первые дни октября вызвали меня в отдел кадров. «Будешь работать по специальности, – сказали, – вот направление в механический цех...» И я не пошел – полетел искать цех. Выскочил на пустырь и только тут сообразил: цеха-то еще ни одного не построено! Смотрю – сарай стоит. Захожу – в нос ударили застоявшийся запах конюшни. Вижу: посреди сарая на пустом ящике сидит человек. Спрашиваю его: «Не знаете ли, как мне механический цех найти?» – «А это и есть механический цех, – отвечает, – а я его начальник, Николай Павлович Краснобаев. А вы, стало быть, мой первый подчиненный. Ну что ж, начнем работать!» Часа через четыре мы смогли станки опробовать. Было это 8 октября. А с 10-го я запустил свой станок в постоянную эксплуатацию. Это был первый работающий станок нарождающегося завода.

В. В. Булыга, в годы войны работница завода № 586:

– Мне было 15 лет. Завод работал круглосуточно в две смены по 12 часов, а при пересмене – 18 часов, без выходных. Работали на заводе женщины, старики, подростки и заключенные. Мужчины-специалисты были только на руководящих должностях. Зимой в цехе холодно, а летом душно. Работа по 15–30 ночей подряд изнурила людей. Очень хотелось спать. В минуты, оставшиеся от обеда, и при отсутствии электроэнергии мы сразу засыпали. Люди были переутомлены, иногда теряли самоконтроль, и бывали несчастные случаи: то деталь в 32 кг выпадет из рук на ногу, то пострадают от неосторожности пальцы рук. Одежда не приобреталась, а только донашивалась. На завод мы ходили в платках, телогрейках, подшитых валенках, а во время работы надевали фартуки из мешковины. Заводская столовая угощала нас, как тогда называли, баландой, кашей и капустой.

П. Н. Замычкин, в годы войны работник завода «Коммунар»:

– Как мы могли перетащить на территорию будущего завода все, что привезли с собой из Люберца, да еще вручную, без грузоподъемных механизмов, без транспорта, без теплой одежды, таким небольшим составом людей – просто не верится. Но духом не падали. Все семьи от мала до велика работали не покладая рук.